

Ю. Д. Дмитриевский

О КРИТЕРИЯХ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

В исторической перспективе этнография и география в своем развитии обычно шли рядом, взаимно обогащая друг друга. Более того, можно утверждать, что многие географические проблемы не могли быть решены без привлечения данных этнографии, так же как этнографические — без серьезного географического анализа, о чем свидетельствует опыт и мировой, и отечественной науки. В последние годы на это обращалось внимание в работах как этнографов, так и географов (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлова, Я. Г. Машбица, В. В. Покшишевского и др.)¹. Практическим воплощением творческого содружества географов и этнографов стала изданная ныне многотомная серия «Страны и народы».

Один из центральных вопросов этнографии — формирование этнических общностей (этносов). Как принято считать, «этнотипы представляют собой особый вид социальной общности людей, определяемый совокупностью ряда признаков: общностью языка и территории, близостью культуры и быта, общностью исторических судеб, а в некоторых случаях — принадлежностью к одному государству»². Отсюда следует, что историко-географический и политико-географический аспекты обязательно должны учитываться в анализе.

Самой новой и наиболее высокой (если не считать новой исторической общности — советский народ) стадией (типом) этносов является нация (буржуазная — в капиталистическом обществе, социалистическая — в социалистическом). Для нее кроме названных выше признаков характерна общность экономической жизни.

Если ход этнических процессов приводит к формированию этнических общностей определенного уровня (стадии) — от племени до нации, то в ходе экономических (экономико-географических) процессов формируются различные территориально-экономические (экономико-географические) общности (от экономических очагов до экономических районов).

Каждой стадии формирования этнической общности более или менее адекватна определенная стадия экономической (экономико-географической) общности. Более того, уровень общности хозяйственной жизни, т. е. экономико-географический уровень (стадия) развития экономико-географического процесса и формирования экономико-географиче-

¹ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, а также библиография к этим работам. Автором настоящей статьи была опубликована работа: «Экономико-географический аспект проблемы формирования этнических общностей в Африке» (Изв. ВГО, 1975, № 3), переведенная вскоре в США в журнале «Soviet Geography», 1976, v. 17, № 7.

² Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 71.

ской общности, является одним из признаков формирования уровня (стадии) этнической общности.

Наивысший уровень экономической общности сложился в СССР в процессе создания исторической общности — советского народа, хотя и полиязычного, но пользующегося русским языком в качестве инструмента межэтнического общения. Естественно, изучить процесс сложения этой высшей общности без глубокого экономико- и социально-географического анализа, исследования внутригосударственной территориальной дифференциации и концентрации экономических явлений в их связи с явлениями этнографическими невозможно.

Экономико-географические и социально-географические аспекты исследования неотделимы от аспектов экономико- и социально-экологических, которые, на наш взгляд³, давно изучаются системой географических наук. И здесь намечается связь с этноэкологическими процессами.

Влияние природной среды и природных ресурсов на этногенез, на формирующиеся в ходе его этнические общности — весьма широкая проблема, включающая множество аспектов. Один из них — исследование относительно прямого воздействия природы и природных ресурсов на этногенез. Оно особенно проявляется в районах, где население занято в основном собирательством, охотой или простейшим рыболовством, что типично главным образом для многих приэкваториальных, тропических или высокогорных районов развивающихся стран. Однако для населения земного шара в целом значительно важнее процесс косвенного, опосредованного социальными отношениями воздействия природы и природных ресурсов на этногенез. В первую очередь это касается влияния первичных, сырьевых отраслей хозяйства на ход этнических процессов. Минерально-сырьевые районы представляют собой, как правило, ареалы иммиграции, где более интенсивно протекают процессы этнической ассимиляции и этнической конфронтации. Пожалуй, такая же, но менее отчетливая картина наблюдается в ряде стран в районах лесозаготовок, добычи рыбы в озерах и реках и т. п.

В ходе развития общества по мере усложнения его социальной структуры и внедрения в хозяйство достижений научно-технического прогресса усложняются связи общества с природой, природной средой. Усложняются, но не ослабевают. К. Маркс писал: «Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен вещества с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости»⁴.

Роль природной среды в жизни человеческого общества изменяется в пространстве и во времени: она различна в разных регионах, в разные исторические эпохи. В ходе развития общества происходит изменение от «жесткой» зависимости к подвижной, эластичной, «мягкой». Относительное ослабление зависимости общества от природы имеет место лишь в том смысле, что от отсутствия возможностей выбора связей с природой общество переходит ко все более сложной системе выбора, его многовариантности.

³ См., например: *Дмитревский Ю. Д., Лавров С. Б.* Экономико-экологические проблемы капиталистических и развивающихся стран. М.: Просвещение, 1968, и др.

⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. М., 1962, с. 387.

В настоящее время на земном шаре еще сохранились районы, в дебрях экваториальных лесов, в обширных пустынях и полупустынях, где связи современных человеческих коллективов с природой просты и «жестки», где охота, собирательство или кочевое животноводство представляют собой круг хозяйственных занятий людей. С другой стороны, в наиболее развитых экономических районах земного шара связи общества с природой, природными ресурсами чрезвычайно сложны и многообразны, что усложняет и процессы развития этносов.

Экономическая география накопила достаточно большой арсенал исследований процессов формирования отраслевых районов в государствах разного типа, разного уровня развития, которые, несомненно, могут стать важной вехой на пути к решению вопроса о сложении этносов.

В разных случаях создаются моно- или полиэтнические районы. Моноэтнические отраслевые районы более типичны для территорий с господством традиционных форм ведения хозяйства, в первую очередь сельского или даже присваивающего. Полиэтнические отраслевые районы более характерны для территорий, где развита современная промышленность (чаще всего — добывающая), и для вновь осваиваемых регионов (с разной специализацией, промышленной или сельскохозяйственной, в том числе на вновь орошенных землях).

Чрезвычайно важна в экономической географии проблема формирования интегральных экономических районов разного уровня. Хорошо известно, что к их образованию приводит весь ход экономических и экономико-географических процессов. При этом во многих странах, особенно развивающихся, большую роль в процессах районообразования играет этнический фактор. Поэтому проблема соотношения этнографического и экономического районирования имеет важное значение.

В странах капиталистического мира основными показателями выделения экономического района являются уровень и формы развития капиталистических отношений. Вторичный признак — хозяйственная специализация территории. Известно также, что и стадия формирования этнической общности (нации) в капиталистических странах зависит от уровня (и форм) развития товарно-денежных, капиталистических отношений. Поэтому можно высказать предположение, что процессы формирования наций и экономических районов связаны между собой корреляционно.

В развивающихся странах, где уровень развития капиталистических отношений в большинстве случаев низок (и соответственно большую роль играют отношения докапиталистические), и процесс образования экономических районов, и процесс формирования наций еще далеки от завершения. Более того, во многих странах и районах эти процессы находятся еще на своих ранних стадиях. Таким образом, можно говорить о формирующихся экономических районах, экономических очагах и ядрах и соответственно о формирующихся нациях, национальных очагах, ядрах. При этом территория и границы названных образований (экономических и этнических) нередко приблизительно совпадают. Часто границы формирующихся экономических районов дают возможность определить или уточнить этнические границы или наоборот. Конечно, это положение далеко не универсально: в этнически однородных странах этнос не может служить индикатором для выявления или уточнения границ экономических районов. То же относится к районам нового освоения с полиэтническим населением, состоящим в основном из иммигрантов.

Особое место среди развивающихся государств занимают страны социалистической ориентации. Капиталистические отношения в этих странах в принципе ограничиваются. Можно полагать, что уровень развития таких государств и их отдельных районов все в большей мере будет зависеть от степени развития общественных форм хозяйства — государственного сектора и различных типов кооперации. В связи с этим здесь по-иному начинают протекать и этнические процессы, особенно процессы формирования наций. В них появляется все больше элементов, типичных

для соответствующих процессов в социалистических государствах, хотя появление этих элементов и сдерживается тем обстоятельством, что страны социалистической ориентации вместе со всем развивающимся миром остаются пока в орбите мирового капиталистического хозяйства.

Социально-географический аспект формирования этнических общностей вытекает из самого предмета социальной географии, ее взаимосвязанности с географией населения. Вероятно, вообще очень трудно наметить четкие водоразделы между объектами изучения социальной географии, демогеографии, этногеографии. «Зона перекрытия» здесь, по-видимому, очень обширна. Среди проблем, изучаемых социальной географией и географией населения, — география социальной инфраструктуры (образования, культуры, здравоохранения и пр.). Несомненно, для ее исследования чрезвычайно важен этногеографический аспект. С другой стороны, понимание последнего невозможно без включения в анализ социально-географической составляющей. При этом важно учитывать социально-экономические особенности, тип страны или района, который определяет в конечном счете особенности социально- и этногеографических процессов.

Каждый этнос характеризуется особенностями его расселения. Географы много занимались именно проблемами расселения, и разработанный ими методический и понятийный аппарат может быть чрезвычайно полезен при анализе названного аспекта формирования этносов. При анализе типов расселения и типов населенных пунктов географо-населенческий и этногеографический аспекты исследования просто не могут существовать раздельно. Это относится и к сельскому расселению, и к сельским населенным пунктам, и (в более сложной системе связей и опосредований) к городским поселениям.

Развитие и рост последних — следствие весьма сложного процесса урбанизации, особенности которого очень разнообразны в странах различного типа, в различных экономических и этнических ареалах. С точки зрения этногеографической, особенно важно изучение этнического аспекта урбанизации в полиэтнических государствах.

Наиболее остро эта проблема стоит ныне в развивающихся странах Азии и Африки, где городское население и города растут особенно быстро в связи с естественным приростом и массовыми миграциями из сельской местности. В городах этих стран, куда после освобождения буквально ринулись массы населения (очень часто разноязыкого, со своими племенными, этническими и конфессиональными традициями), происходят очень сложные процессы ассимиляции, консолидации, конфронтации. Возникают проблемы формирования городской элиты и пролетариата, изменения внутренней географии городов (основанной на дифференциации — экономической, социальной, этнической). Все названные проблемы, экономико-географические по существу, являются одновременно и этногеографическими. Отсюда и необходимость сопряженного, многофакторного анализа.

Комплексное изучение городов может способствовать выяснению множества экономико-, политико-, социально-, этногеографических вопросов, включая один из центральных — формирование наций в развивающихся странах.

Названные выше некоторые аспекты использования экономико- и социально-географического анализа при изучении этнических проблем, в том числе формирования этнических общностей, позволяют говорить о целесообразности применения учеными-этнографами экономико-географических методов и количественных показателей, принятых в экономической и социальной географии. Для многих из этих методов и показателей характерна типичная для географии комплексность.

Среди старых и вечно новых методов выделяется полевой, экспедиционный. Именно он может наиболее точно показать ареалы тех или иных этнических общностей и границы их распространения. Этот полевой метод непосредственно связан с другим, старым и вечно новым — картографическим. Надо сказать, что последний имеет не только при-

кладное, иллюстративное, но и самостоятельное значение. Картографирование позволяет делать самостоятельные выводы, являясь одним из аналитических методов изучения экономико-, социально- и этногеографических процессов. Возможности этого метода еще далеко не исчерпаны⁵.

К числу старых относится и географо-статистический метод, являющийся по существу одним из математических методов, сложная система которых столь популярна среди части ученых в наши дни.

Названные и некоторые другие методы включают в себя использование различных количественных показателей, более или менее сложных. Среди них балльные, по существу своему экспертные оценки, методика которых все усложняется, а результаты уточняются⁶. Некоторые из балльных оценок⁷ обогащают арсенал средств при анализе влияния природных условий и ресурсов на процессы формирования этнических общностей. В качестве примеров количественных показателей, имеющих прямое отношение к анализу вышеуказанных процессов, можно назвать отдельные коэффициенты.

К их числу относится показатель концентрации населения, предложенный А. А. Долининым⁸:

$$K = \frac{\Pi_b}{\Pi},$$

где Π_b — плотность населения территории, на которой она превышает заранее заданную величину (граница плотностей); Π — средняя плотность населения ареала. За границу плотностей, по мнению автора показателя, следует принимать число, в несколько раз превосходящее среднюю плотность населения ареала.

Самое прямое отношение к процессам этногенеза имеет целая группа количественных показателей. Наиболее простым среди них является предложенный Ю. Г. Липецом коэффициент этнической общности⁹

$$K = K_1 K_2,$$

где K_1 — доля населения (или группы) в населении данной территории; K_2 — доля народа, живущего на данной территории, в общей численности учитываемого народа.

Интересен показатель социоэтнической плотности¹⁰

$$S = \frac{\sum_{i=1}^k n_i^2}{N^2} \cdot 100,$$

где n_i — численность данной этнической группы в стране (районе); k — число этнических групп; N — численность всего населения страны (района).

Степень разнообразия этносов страны (района) характеризует индекс этнической мозаичности Б. М. Эккеля¹¹

$$P_j = 1 - \sum_{i=1}^m (\pi_i)^2,$$

⁵ См., например: Кильдюшевская Л. К., Озерова Г. Н. Применение картографического метода для решения некоторых задач экономического районирования. — Изв. ВГО, 1974, т. 105, вып. 5.

⁶ Арманд Д. Л. Балльные шкалы в географии. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1973, № 2.

⁷ См., например: Дмитриевский Ю. Д. Природный потенциал и его количественная оценка. — Изв. ВГО, 1971, т. 103, вып. 1.

⁸ Долинин А. А. Население и трудовые ресурсы Андских стран: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра геогр. наук. Л., 1969, с. 26.

⁹ См.: Чижов Н. Н. Танзания. М.: Мысль, 1972, с. 79.

¹⁰ Piasecki E. Cestość zaludnienia a zróżnicowanie etniczne. — Przegląd geogr., 1977, t. 49, № 1.

¹¹ Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР. — Сов. этнография, 1976, № 2.

где m — количество национальностей (этнических групп) в j -й стране (районе), π_i — доля j -й национальности во всем населении страны (района).

Есть и другие показатели, которые могут быть использованы при экономико- и социально-экономическом анализе процесса формирования этнических общностей и вообще пространственных аспектов этнических процессов.

Для географии всегда были характерны типологические и региональные подходы. Выявление типов и районов распространения какого-либо физико-, экономико-, социально- или политико-географического явления — и инструмент, и итог географического исследования. Несомненно, типологические подходы и методы районирования, разработанные географической наукой, могут быть широко использованы при этнографическом анализе, выявлении стадий и тем самым типов, а также районов формирования различных этнических общностей. И в этом — тоже большие возможности использования географического аппарата в этногеографических исследованиях.

К. Е. Корепова, Т. И. Белоус

**ОБРЯДЫ «ПРОВОДОВ ВЕСНЫ»
В БЫТУ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В Поволжье и ряде мест Центральной России существовал обычай провожать весну в дни русальной недели — в русалкино (петровское) заговенье или в ближайшие к нему дни. Проводы весны принимали форму ритуальных похорон-проводов различных мифологических существ: русалки, Костромы, Ярилы, Горюна, Чехони, Соловушки и т. п. В Тульской, Костромской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской губерниях объект ритуальных похорон называли «весной»¹, и это давало основание некоторым ученым видеть смысл обрядов в символике смены времен года².

Более убедительно мнение тех, кто считает, что название «весна» в применении к антропоморфному образу появилось сравнительно поздно³ и заменило собой русалку или Кострому⁴. Выражение «проводить весну», употребляемое в народе, вероятно, указывало на сезонное приурочение обрядов. Похороны Костромы, проводы русалки и другие сходные обряды совершались на границе весны и лета, ими завершался весенний цикл и открывался летне-осенний, связанный с ожиданием уже созревающего урожая, охраной его и уборкой. В этнографической литературе неоднократно отмечалось, что после русальной недели у русских обычно кончались весенние игры и хороводы, вскоре начинался сенокос, затем жатва. Именно в этом смысле обряды были прощанием с весной.

Проводы весны, как и другие обряды, имеющие аграрную направленность, были развиты преимущественно в правобережной части Горьковской области. Разнообразием форм они отличались в южных районах,

¹ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. Сахаровым. Т. II. Кн. 7. СПб., 1836, с. 93.

² Свод научных трактовок дан в статье: *Зилинский О.* Из истории восточнославянских народных игр (Кострома-Коструб). Исторические связи в славянском фольклоре — *Русский фольклор*, XI. М.—Л., 1968, с. 206, 207.

³ *Зеленин Д. К.* К вопросу о русалках (Куль покойников, умерших неестественной смертью, у русских и финнов) — *Живая старина*, 1911, в. 3—4; 1912, с. 416; *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1979, с. 214.

⁴ *Зилинский О.* Указ. раб., с. 208, 209; *Соколова В. К.* Указ. раб., с. 214.